

Бикеева Наталья Юрьевна

РОЛЬ СВЯТЫХ КОРОЛЕВ В СИСТЕМЕ ПАТРОНАТА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматривается взаимодействие религиозного и социально-политического содержания роли святых королей в системе патроната раннесредневековой Европы. По мнению автора, супруги правителей занимали важное место в социально-политической практике VI-VII веков. Патронат, т.е. защита и покровительство, был одной из наиболее значимых функций святых королей в обществе. В свою очередь, через структуры патроната знатные и влиятельные женщины этой эпохи включались в систему организации власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 30-33. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. **Вилинбахов В. Б.** Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // Скандинавский сборник. Таллинн, 1963. Вып. VI. С. 325-329.
7. **Кузнецов Е. В.** Этногенез восточных славян: исторические очерки. Арзамас, 1995. 192 с.
8. **Лебедев Г. С.** Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. 640 с.
9. **Лукошков А. В.** Конструктивные особенности найденных на дне Волхова древненовгородских судов в контексте традиций балтийского судостроения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2009. Вып. 23. С. 220-226.
10. **Манаков А. Г.** Псковско-Новгородская топонимия в свете «теории формантов» (к дискуссии об этнической истории региона) // Псковский регионологический журнал. 2006. № 3. С. 115-135.
11. **Мачинский Д. А.** «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110-171.
12. **Назин С. В.** Славяне и Рим. К вопросу о дунайской прародине славян // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 219-229.
13. **Пауль А.** К вопросу о названиях племен Королевства ободритов // Варяги и Русь: сб. статей и монографий / сост. и ред. В. В. Фомин. М., 2015. С. 175-236.
14. **Полное собрание русских летописей (ПСРЛ):** в 43-х т. СПб., 1856. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. 346 с.
15. **Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.** Любшанское городище в Нижнем Поволжье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 196-203.
16. **Седов В. В.** Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. 624 с.
17. **Трубачев О. Н.** Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. Изд-е 2-е, доп. М., 2003. 489 с.
18. **Фомин В. В.** Варяги и Русь // Варяги и Русь: сб. статей и монографий / сост. и ред. В. В. Фомин. М., 2015. С. 7-112.
19. **Херрман Й.** Ободриты, лютичи, руяне // Славяне и скандинавы / пер. с нем.; общ. ред. Е. А. Мельниковой. М., 1986. С. 338-359.
20. **Хрусталева Д. Г.** Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв.: в 2-х т. СПб., 2009. Т. 1. 416 с.

THE SLAVS' DISPERSAL ROUTES IN PSKOV-ILMEN REGION

Belokhvostov Andrei Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Branch) in Arzamas
andry1979b@mail.ru

The article examines the problem of the Slavs' migration routes in the northwest of the Russian plain. The author suggests a hypothesis on the Baltic Slavs' migrations to Pskov-Ilmen region on ocean ships through the Baltic Sea. Special attention is paid to the latest achievements of the historical science in studying the mentioned research area. The paper provides a comprehensive analysis of the problem taking into account written sources, archeological materials, ethnonymic data. It is shown that the hypothesis establishing relation between Novgorod Slovenes and the Baltic Slavs is the most promising one.

Key words and phrases: Baltic Slavs; Krivichi; Slovenes; Obotrites; The Baltic Sea.

УДК 9; 94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается взаимодействие религиозного и социально-политического содержания роли святых королей в системе патроната раннесредневековой Европы. По мнению автора, супруги правителей занимали важное место в социально-политической практике VI-VII веков. Патронат, т.е. защита и покровительство, был одной из наиболее значимых функций святых королей в обществе. В свою очередь, через структуры патроната знатные и влиятельные женщины этой эпохи включались в систему организации власти.

Ключевые слова и фразы: святые королевы; агиография; жития; патронат; раннее Средневековье; св. Радегунда.

Бикеева Наталья Юрьевна, к.и.н., доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет
nwbib@mail.ru

РОЛЬ СВЯТЫХ КОРОЛЕВ В СИСТЕМЕ ПАТРОНАТА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В исследованиях, посвященных средневековым культам святых, выявлено разнообразие их функций в обществе этого времени [7, с. 43-75]. Помимо того, что святой был примером для подражания и образцом идеального христианина, он также обладал властью, способной защитить и правителей, и простых верующих. Культ святого мог использоваться различными группами населения в этот период как инструмент политического влияния и средство защиты собственных интересов. Поэтому образ святого был тесно связан с такой его функцией как патронат, т.е. защита и покровительство почитающего его сообщества.

Система патроната, происхождение которой относится к периоду римской истории, продолжала существовать и играть важную роль в период так называемых «темных веков» – эпохи перехода от античности

к Средневековью. В это время публичная и частная сферы оказываются очень тесно переплетенными, а сфера власти характеризуется значительной децентрализацией; она рассредоточивалась в социальном и территориальном отношении [8, с. 6]. На любом уровне, в любом секторе в этот период в отправлении власти принимает участие довольно широкий круг людей. Складывается широчайшая система личных связей.

Неслучайно в VI-VII веках в условиях, когда не было возможности полагаться на публичные институты, необходимо было искать поддержку у какого-либо могущественного человека, в том числе святого. Среди средневековых святых отчетливо выделяется группа святых правителей, в числе которых были и святые женщины высокого статуса [13, р. 69-70]. Церковь и монастыри различными путями, в том числе через систему патроната, вклиниваются в различные структуры власти этого периода.

Как указывает Д. Омельченко, стратегия христианизации Цезария Арелатского (*Caesarius Arelatensis*, около 470-542 гг.), одного из отцов раннесредневекового западноевропейского монашества, во многом основывалась на различных формах христианского патроната: помощи беднякам, больным, пленникам [5]. Поэтому патронат следует понимать не только как форму социальной поддержки, но и как способ осуществления власти. Как отмечал П. Браун, патронат играл важную роль в становлении новой, средневековой системы властных отношений: «В обществе, где принадлежность к городской коммуне наиболее убедительно выражалась в терминах отношений патрон-клиент, и где раздача даров была традиционным символом этого отношения, связанная с культом святых раздача милостыни была гораздо большим, чем... формой помощи бедным. Она означала не что иное, как притязание новых лидеров христианской церкви на перерисовку древних границ коммун» [2, с. 58]. Раздача милостыни, бесспорно, являлась не только актом милосердия, но политическим деянием. Поэтому тот факт, что христианская церковь поощряла женщин играть по отношению к бедным независимую общественную роль (раздавать милостыню, посещать и лечить больных, закладывать гробницы и богадельни и т.п.), свидетельствует о том, что женщины в период перехода от античности к Средневековью включаются в систему властных отношений и связей.

Подавляющее большинство раннесредневековых святых женщин были высокого социального статуса – благочестивые королевы, аббатисы, монахини. Благодаря своему положению, они могли напрямую обращаться к епископам и аббатам. Часто королевы были посредниками между светскими правителями с одной стороны, и папами, епископами и аббатами, с другой. Тем самым они могли влиять и имели определенные рычаги воздействия на религиозную политику и институты. Им был открыт определенный доступ к доходам королевства. Одной из главных функций королей в раннее Средневековье был патронат церковью и монастырями. Королевы и знатные вдовы щедро одаривали церкви, основывали монастыри и лечебницы, освобождали рабов, раздавали милостыню нуждающимся. В частности, этими деяниями прославилась королева Хродехильда (*Chrodechild, Clotild*, 475-545 гг.), супруга основателя франкского королевства Хлодвига [3, с. 73].

Но образцом для подражания для королей и знатных матрон раннего Средневековья была другая благочестивая правительница – св. Радегунда (*Radegund*, между 518 и 521-587 гг.), супруга франкского короля Хлотаря, сына Хлодвига и Хродехильды [1, с. 796-806].

Венанций Фортунат (*Venantius Fortunatus*, ок. 530 – между 600 и 609 гг.), автор ее первого жития [9, с. 188-204; 12, р. 364-376], уделяет внимание щедрости королевы-монахини в раздаче милостыни бедным и покровительству монастырей: «*Всякий раз, когда к ней поступали подати, она отдавала десятую часть из всего, что получила, прежде чем принимать что-либо для себя. Затем то, что оставалось, она отдавала в монастыри, посылая подарки тем, до кого она не могла добраться пешком. Не было отшельника, который избежал бы ее щедрости*» [9, с. 190]. Кроме того, она хлопотала об освобождении из тюрьмы заключенных [12, р. 368]. По нашему мнению, когда Фортунат сообщает о ее милосердии, речь идет не столько о социальной благотворительности, а о социальных практиках, характерных для правителя. К числу важнейших из них относится щедрость в дарениях и защите. Автор второго жития св. Радегунды, монахиня Баудонивия, также создает образ праведного правителя, подчеркивая пастырские обязанности Радегунды.

Покровительством, защитой и поддержкой церкви и монастырей прославилась также королева Бальтильда (*Balthildis, Bathildis*, ок. 630/635 – 680 г.). Подобно Хродехильде и Радегунде, она покровительствовала аббатствам и монастырям, основывала новые церкви и конгрегации. Из жития св. Бальтильды известно, что она запретила продавать христиан в рабство. Благодаря этим деяниям, она заслужила репутацию святой [14, р. 264-268]. Как указано в ее житии, благотворительность этой королевы не была ограничена пределами франкского государства: так, например, римские базилики св. Петра и св. Павла получили значительные дарения от Бальтильды, также от ее имени раздавались средства римским беднякам [Ibidem, р. 272-273].

Другим важным аспектом социального взаимодействия в раннее Средневековье являются ритуалы пиршеств и постов. Неслучайно духовные лица старались включить обряды, связанные с едой и питьем, в религиозный контекст, пытаясь с их помощью укрепить отношения с мирянами. Анализ агиографии и монастырских уставов этого периода позволяет констатировать рост влияния монашества в обществе, в том числе через ритуалы принятия пищи [15, р. 10]. Монастыри начинают все более активно участвовать в жизни общества. Через отношение к еде и пищевым ритуалам формируются новые связи между религиозной и политическими сферами. Неслучайно в этот период многие правители основывают собственные монастыри, чтобы обеспечить себе молитвы и заступничество монахов перед Богом. Таким образом, связи между монастырями и аристократией, святыми и светскими правителями становятся все более крепкими и многообразными.

Эта тенденция находит отражение в агиографии данного периода. В житиях св. Радегунды отражена важность социальной функции пищи. Подобно Марте, сестре Марии и Лазаря из Вифании [4, 10: 38-42],

Радегунда сама, без помощи служанки кормит из ложки больных, слабых и слепых [9, с. 195-196]. Но сочетая личный аскетизм с практикой кормления бедных и служения им, святая являет не только свое смирение и милосердие, но и власть. Неслучайно на протяжении VI-VII веков укрепляется традиция соблюдения постов и раздачи пищи властными персонами [16, р. 43].

В этот период еда становится эквивалентом дарения. Кроме того, как отмечает в своем исследовании Б. Эфрос, в религиозных общинах умеренность в еде стала признаком святости, а контроль религиозной общины над ритуалами принятия пищи укрепил ее позиции в качестве покровителя для более широких слоев населения [11]. Что касается св. Радегунды, то она, как следует из ее жития, отказывала себе во многом, питаясь только хлебом, овощами, травами и водой, смешанной с медом и грушевым сидром, а во время Великого поста вкушала хлеб только по воскресным дням [9, с. 197].

В агиографических сочинениях раннего Средневековья нередки описания практики соблюдения строгого поста святыми. Авторы житий рассказывают об умеренности своих героев в отношении еды и питья и особенно высоко оценивают их приверженность строгому, даже «героическому» режиму голодания. В целом, такое выполнение модели подражания Христу было типичным для этого периода, но детальное описание практик умерщвления плоти, в том числе воздержания от пищи и голодания, было скорее исключением.

Отказ от пищи имел гендерные особенности. Так, воздержание или отказ от пищи уже в раннее Средневековье были одними из отличительных черт именно женского благочестия [16, р. 190].

Нам известно о монашестве в Галлии эпохи Меровингов в основном из сохранившихся монастырских текстов, правил и уставов, житий Святых и сочинения Григория Турского. Только привлекая все документы, можно увидеть более полно религиозную жизнь в широком социальном контексте, когда монашество больше не отделено от мира, а является его интегрированным компонентом, который используется как важный элемент внутренней и внешней политики франков. С VI века монастыри начинают активно вмешиваться в политику. В этой связи не удивительно, что отношение к еде отражает эту взаимосвязь между религией и политикой. Меровингские короли сами основывают и поддерживают монастыри, чтобы гарантировать себе молитвы, и налаживают взаимодействие между светскими и духовными сферами.

Особое значение в деле защиты населения от невзгод, болезней и несправедливости также имели реликвии [6, с. 405-408]. Одной из наиболее важных социальных функций святых правителей было обретение и собирание реликвий. Из агиографии раннего Средневековья следует, что св. Радегунда была известна своей активной и успешной деятельностью по приобретению ценных христианских реликвий, таких как мощи раннехристианских святых Андрея, Мамаса и др., а также фрагмента Древа св. Креста [10, р. 386-389].

Таким образом, для политической и социокультурной ситуации раннесредневекового франкского общества характерна важная роль, которую играли святые персоны, в том числе святые королевы. В частности, речь идет о распространении христианства и поддержке церковных структур в своих землях. С одной стороны, они оказывали практическую помощь, основывая церкви и монастыри и являясь их покровителями и защитниками. С другой, их личный пример религиозного благочестия обладал силой духовного воздействия на население.

Список источников

1. **Бикеева Н. Ю.** «Тайный» аскетизм Св. Радегунды: конструирование святости в агиографии раннего Средневековья // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2016. Т. 158. Кн. 3. С. 796-806.
2. **Браун П.** Культ святых, его становление и роль в латинском христианстве / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с.
3. **Григорий Турский.** История франков / изд. подгот. В. Д. Савукова; отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1987. 462 с.
4. **Евангелие от Луки** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/lk/10/> (дата обращения: 22.03.2017).
5. **Омельченко Д. М.** Пастырская деятельность Цезария Арелатского в политике церкви и повседневной жизни Прованса: дисс. ... к.и.н. Ставрополь, 2011. 357 с.
6. **Парамонова М. Ю.** Реликвии // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 405-408.
7. **Парамонова М. Ю.** Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М.: ИВИ РАН, 2003. 405 с.
8. **Сидоров А. И.** Организация власти во франкском королевстве в VIII-IX вв. // Средние века / отв. ред. А. А. Сванидзе; Институт всеобщей истории. М.: Наука, 2003. Вып. 64. С. 3-34.
9. **Фортуна Венандий.** Житие святой Радегунды / пер. с лат., коммент. Н. Ю. Бикеевой // Адам и Ева: альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2012. № 20. С. 188-204.
10. **Baudonivia.** De Vita Sanctae Radegundis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Merovingicarum / ed. B. Krush. Hannover, 1888. Т. II. V. 2. P. 377-395.
11. **Effros B.** Creating Community with Food and Drink in Merovingian Gaul. New Middle Ages. Palgrave Macmillan, 2002. 174 p.
12. **Fortunatus V.** De Vita sanctae Radegundis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Rerum Merovingicarum / ed. B. Krush. Hannover, 1888. Т. I. V. 2. P. 364-376.
13. **Klaniczay G.** Holy Rulers and Blessed Princesses: Dynastic Cults in Medieval Central Europe. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2002. 490 p.
14. **McNamara J. A.** Sainted Women of the Dark Ages / eds. J. A. McNamara, J. E. Halborg, E. G. Whatley. Durham – L.: Duke University Press, 1992. 369 p.
15. **Mulhearn A.** Fasting, Feasting and Holiness in the Early Middle Ages [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/5106748/Fasting_Feasting_and_Holiness_in_the_Early_Middle_Ages (дата обращения: 22.03.2017).
16. **Walker-Bynum C.** Holy Feast and Holy Fast: The Religious Significance of Food to Medieval Women. University of California Press, 1987. 464 p.

ROLE OF SAINTED QUEENS IN THE PATRONAGE SYSTEM OF THE EARLY MIDDLE AGES

Bikeeva Natal'ya Yur'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
newbin@mail.ru

The article deals with interaction of the religious and socio-political content of the role of sainted queens in the patronage system of early medieval Europe. The author believes that spouses of the rulers occupied an important place in social and political practice in the VI-VII centuries. Patronage, i.e. protection, was one of the most significant functions of sainted queens in the society. In turn, through the structures of patronage noble and influential women of that era were included in the system of power organization.

Key words and phrases: sainted queens; hagiography; lives; patronage; Early Middle Ages; St. Radegund.

УДК 94(47).073

Исторические науки и археология

Статья посвящена истории российско-британских отношений в Иране после Гюлистанского мира. В ней найдено отражение динамика лавирования шахского правительства между интересами двух крупнейших держав. Описаны события русско-иранской войны 1826-1828 гг. Рассмотрены Туркманчайские соглашения и их последствия. Показано, как Тегеран, разыгрывая то российскую, то британскую карты, пытался решить собственные политические задачи. Доказано, что слабая, но амбициозная позиция иранского правительства привела к нагнетанию региональной напряженности, которая нашла выход в первом гератском кризисе. При этом сам Тегеран оказался в ситуации частичной утраты суверенитета.

Ключевые слова и фразы: Гюлистанский мир; Туркманчайский договор; русско-иранская война; Иран; Российская империя; Великобритания; А. П. Ермолов; И. О. Симонич.

Васильев Сергей Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет
rokiserg@yandex.ru

Васильев Дмитрий Валентинович, к.и.н., доцент

Российская академия предпринимательства, г. Москва
dvvasiliev@mail.ru

ИРАН В ЦЕНТРЕ БРИТАНО-РОССИЙСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В 1820-Х ГГ.

После Гюлистанского мира и «охлаждения» между двумя странами, которому способствовала Британия, в самом начале 20-х гг. XIX столетия наметилось определенное сближение российской и иранской позиций. Оно укрепилось в том числе благодаря финансовым разногласиям между Лондоном и Тегераном по вопросу о финансировании шахского правительства [7, с. 138, 140]. В это время произошла ирано-турецкая война, завершившаяся Эрзерумским мирным договором, сохранявшим прежние границы государств. 15 июля 1823 г. в Лондоне было подписано ирано-турецкое соглашение, предполагавшее выступление обоих государств против России. Тем не менее, российские позиции в Иране несколько усилились. Это было вызвано новым охлаждением ирано-английских отношений, связанным с захватом острова Киш в Персидском заливе и заключением Лондоном соглашений с шейхами Персидского залива и правительствами Маската и Афганистана [5, с. 53-54].

Однако вскоре ситуация стала меняться. Новый министр иностранных дел Великобритании Дж. Канинг (1822) стал прилагать усилия, направленные на увеличение английского влияния в Иране. На этом фоне российско-британские отношения пошли неуклонно на спад. Сдержанность российской позиции в отношении Ирана и нежелание Александра I обострять отношения с европейскими державами воспринимались в Тегеране как сигнал к возможной ревизии Гюлистанского мира. Шедшие с 1823 г. по 1826 г. переговоры по урегулированию пограничных отношений между Россией и Ираном не увенчались успехом. Многочисленные провокации и нарушения соглашения не встречали жесткого сопротивления российской стороны, что косвенно провоцировало рост реваншистских настроений в иранской элите, подогревавшихся из Лондона. Пришедшая к власти в Иране партия войны (англофилы и сторонники войны с Россией) стремилась любой ценой реализовать свои устремления. На руку ей играла и внутренняя нестабильность в стране, ставшая отражением непопулярности Фетх-Али-шаха.

Британия (через Ост-Индию) выделила шаху на военные нужды значительную сумму [7, с. 151-153], поставляла оружие, участвовала в подготовке военных планов и кадров [1, с. 74-75], оказывала дипломатическое и финансовое давление на шахский двор [12, с. 115].

Что касается нового российского императора Николая I, то он стремился сохранить мир с Персией, отказывался верить докладам главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом А. П. Ермолова о сосредоточении